

В СОГЛАСИИ И СПОРЕ

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ

Замеченный и полюбившийся зрителям в одной из первых своих киноролей — Слава Котиков из фильма режиссера М. Хуциева «Мне двадцать лет» — актер Станислав Любшин избежал «искушения типажом» и не стал из картины в картину сниматься в ролях вот такого же простого обаятельного парня с рабочей заставы. Не повторяться бездумно, а искать, открывать все новые черты своего современника стремился художник...

А недавно народному артисту РСФСР Станиславу Андреевичу Любшину исполнилось пятьдесят лет, но талант его все так же молод и высветлен добротой, верой в людей, радостным удивлением перед жизнью, перед своими героями, о которых он рассказывает, сострадая и любя, вливает в свое сердце их боли и их радости.

Совсем не обязательно путь актера начинается с детской мечты о сцене. Паренек из подмосковного Владыкина, с восьмилетнего возраста узнавший крестьянский труд и «дослужившийся» до совхозного сторожа, не был честолюбив и безрассудно сменил школьные классы на аудиторию кислородно-сварочного техникума.

В театр привело молодого сварщика не честолюбие, а неутомимая юношеская фантазия, неотступные мысли о смысле жизни, с которых начинается становление личности. Так хотелось романтической судьбы! Ну, скажем, героя-летчика, или смелого разведчика, или великого ученого. Хотелось быть кем-то, а сцена и открывала заманчивую возможность пережить жизнь КОГО-то, всякий раз иную.

И вот — объявление о приеме в Щепкинское училище.

Бегом, в обеденный перерыв, заменив первое и второе блюдо стаканом газировки, помчался юноша сдавать конкурсные экзамены и — о чудо! — был принят. Не иначе как у знаменитого артиста, корифея Малого театра Александра Александровича Зубова было в тот день хорошее настроение...

Только позднее узнал Любшин, что думал о нем учитель: как-то, репетируя в помещенной канцелярии, увидели студенты стопку аккуратно исписанных листков — записи Зубова о каждом. Про Любшина было там сказано, что под силу ему и комедийные, и трагические роли, и какие угодно иные. Что может вырасти в актера широкого диапазона.

До сих пор, вспоминая об этом, чувствует Любшин, как холодок бежит по спине. Что это было? Пророчество? Напутствие? Или обычная прозорливость опытного педагога?

А дома отнеслись к новой профессии сына сдержанно. Вечером, усевшись вокруг телевизора тех времен с экраном величиной в ладошку, смотрели концерт. Пел Иван Семенович Козловский в сопровождении хора. Солиста еще можно было разглядеть, а уж хористов — с трудом.

— Артист... — задумчиво произнес отец. — Вот если такой... — он показал на Козловского и выразительно помолчал.

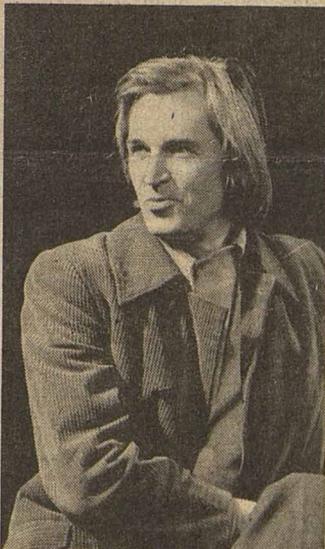
Больше к этому вопросу не возвращались.

Хватило ли у артиста таланта, мастерства, взыска-

тельности — об этом теперь, через многие годы, можем судить мы, зрители, видевшие его работы в кино и театре, его первые режиссерские опыты. А вот о том, чего стоит художнику успех, на первый взгляд, такой легкий, как бы самопроизвольный, мог бы рассказать только сам Станислав Андреевич. Мог бы, если бы согласился. Но, увы... Доброжелательный, улыбающийся Любшин сразу «холодеет» и «чуждеет», как только его просят рассказать о себе.

— Разве можно говорить о своем творчестве? Это вещь настолько сокровенная...

Тот самый Славка Котиков из картины «Мне двадцать лет» привораживал нас какой-то щемящей искренностью, серьезностью и человеческой значительностью, которые скрывались под внешностью скромного парня, «замотанного» бытом и житейской суетой. Молодой актер открыл в своем герое гражданина, но при этом избежал какой бы то ни было риторики, резонерства, позы. А в одной из последних своих ролей — в филь-

ме «Не стреляйте в белых лебедях» Любшин создает сложный и привлекательный образ чудаковатого Егора Полушкина, эдакого деревенского Дон-Кихота, человека удивительной доброты и чистоты. И мы забываем, что он неказист, он кажется нам прекрасным, преображенный «любшинской» улыбкой, а за его скромностью и застенчивостью мы угадываем щедрость сердца, не привыкшую выставлять себя напоказ.

Гражданственность... Все творчество Любшина, воплощающее самые различные судьбы и характеры, порой вовсе не героические, а обычные, как бы даже мелкие, измеряется этой мерой. Гражданственность собственной позиции стала для актера тем магическим кристаллом, с помощью которого он видит и открывает нам все краски жизни, разные ее ипостаси, сложные хитросплетения. Эта позиция исключает, сметает с пути Любшина все пустое, незначительное, не дающее ответа на важные вопросы современности, лежащее за пределами нравственных исканий современников, ибо свое искусство, начавшееся в театре, он свято почитает как школу нравственного воспитания людей.

— С театром актеру расставаться нельзя, невозможно, — настаивает Любшин, при всем том, что всенародным признанием обязан больше кинематографу и телевидению с их многомиллионной аудиторией. — Здесь мы не только работаем, но и постоянно, последовательно учимся у мастеров, чьи устремления нам близки и дороги.

Удивительное чувство современности, смелость в постановке острых общественных проблем, глубокое чувство ответственности перед зрителем — вот чем привлекает меня Ефремов как руководитель прославленного МХАТа, где я сейчас работаю. И начало моего актерского пути тоже связано с этим мастером, с его «Современником».

В разных своих ролях, через героев, какими бы они ни были — хорошими или плохими людьми, Любшин страстно утверждает красоту и справедливость, совесть и подлинную духовность.

Нет ничего удивительного в том, что его следователь Шаманов из вампиловского «Прошлым летом в Чулимске», поставленного в Театре имени Ермоловой, оказался в трактовке актера личностью незаурядной, а его нелегкая борьба (в том числе и с самим собой, с собственной слабостью) — поучительной и достойной подражания. Все не странно, что обаятелен и романтически прекрасен комиссар Амалин — герой картины «Красная площадь», смелый большевик, целиком отдавший себя революции. И разведчик Белов — Вайс из многосерийного фильма «Щит и меч» не мог не вызвать сочувствия, даже восхищения своим умом, находчивостью и беззаветной отвагой, которая не ищет ни славы, ни награды, а находит их лишь в служении Родине. Этот «положительный заряд» несут в себе и многие другие актерские работы Любшина.

Но как донести до зрителя ту же правду, все то же «разумное, доброе, вечное», если играешь героя отрицательного, человека, попирающего честь и совесть, нравственные нормы нашего общества?

— Споря с героем, обличая его, обнаруживая его человеческую ничтожность, несостоятельность. Только так, и никак иначе!

Вспомним блистательно сыгранную Любшиным роль Виталика в фильме «Слово для защиты». Как мягко, вкрадчиво говорит этот эгоист и лицемер! Его улыбка, его грустные глаза выражают раскаяние, чуть ли не самоосуждение. Чуть ли... Грань между истиной и этим фальшивым «чуть ли» актер нигде не переходит, и потому нам открывается подлинное лицо Виталика и то чувство брезгливой жалости, которое испытывает к нему Любшин.

Или вот бухгалтер Владимир Николаевич из картины «Позови меня в даль светлую...», где Любшин выступает и как исполнитель главной роли и как режиссер (вместе с Г. Лавровым). Здесь иные актерские средства — более резкие, гротесковые. Нелепая одежда, неуклюжая пластика, неприятные интонации речи. И какое-то «липкое» безвозраст-

ное лицо, от которого хочется отвернуться. За внешней самоуверенностью Владимира Николаевича — страх, одиночество, крушение «идеалов», казавшихся незыблемыми. Вся жизнь героя, прожитая на экране Любшиным, — приговор этим мешанским идеалам, этому кредо обывателя.

А вот — классика, на сцене МХАТа Тартюф. Об актерской трактовке Любшина много спорили. И все же как необычен этот герой в исполнении Любшина, опрокинувшего наши наивные представления об отпетом негодяе, обманувшем простаков! Его Тартюф куда сложнее и интереснее. Умный, ловкий, циничный, он прекрасно эксплуатирует слабости богатых бездельников, легко «клонувших» на его ханжеские речи. Так актер разоблачает не только своего героя, но и тех, кого принято считать его жертвами.

Однако глубинное художественное исследование жизни, которое столько лет ведет актер, никак не укладывается в «черно-белую» схему. В образах сложных, неоднозначных ему также удается найти то главное, что помогает выявить свою гражданскую позицию, утвердить свой нравственный идеал. В этом ряду стоит такой герой, как Александр Ильин из фильма «Пять вечеров», проживший трудную, путаную жизнь, но не поступивший своими принципами. И Любшин с внутренней болью, с удивительной психологической чуткостью показывает нам этого ранимого человека, бережно и убедительно защищает его.

Есть в самом облике Станислава Любшина, в его исполнительской манере, современной в лучшем смысле этого слова, многое от чеховской традиции русского театра. Недаром Чехов — самый близкий ему писатель, а чеховские герои особенно дороги («Моя жизнь», «Степь»). С Чеховым связана и одна из режиссерских работ актера — «Три года» — телевизионный фильм, поставленный совместно с Д. Долиным. Мечтает Станислав Андреевич и о «Скудной истории».

Вообще же для Любшина режиссура вовсе не уход в другую профессию, которой он отдает какое-то предпочтение. На эту стезю его всегда приводила горячая заинтересованность в творчестве того или иного писателя. Так, прежде всего «заболел» он Шукшиным и пришел к постановке «Позови меня в даль светлую...».

— Особенно люблю Шукшина, Айтматова, Распутина, Белова... Да разве мало у нас прекрасных писателей. Прикосновение к такой литературе — истинное счастье!..

Любшин верен себе. Он всегда ищет возможность говорить со зрителем о самом интересном в сегодняшней жизни, не обходя ее «болевые точки», помогая делать ее лучше и светлее. Его актерский голос, искренний и страстный, не может затеряться в хоре, потому что в согласии или в споре со своими героями он остается глашатаем передовых идей своего времени.

Ф. МАРКОВА.